

П О Э З И Я

П.Чайгин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Бездомный день, я - твой солдат, оранжевая ветвь.
Созвездье выплеснуло тень, и стих трамвайный ветр.
Что - оглянуться и застыть, взломать экран и дверь.
Но нет за ними своего, и ты уж мне поверь.

Ещё не успел обнажиться, а ждет подаянья.
Преданно-павший, настройщик, наручник, фискал.
Чем же отведить тебя, знатока и владыку Гуляний?
Снег усыпительный, брат обольстительный, звал?

Это твое покровительство сковало мои подозренья
и разорило виски. Не поверю, что это расчет.
Кто изм сегодня ответчик? Какое помлет искушение?
Кто припадет, отстанется и вновь припадет?

До свиданья, прекрасное, трижды святое созданье.
До свиданья, пожалуй, в другом измереньи, в другом.
Что же бросили мы в голубую ладонь мирозданья?

Погружаясь в себя - стекленко, знакомцев встречаю:
Мальчикпомнит Христа, Рыцарь - Розу, а Пламя - Содом.
Ничего не спрошу, обожженным копьем покачаю.

Вот и Имя ушло, отлетело. Успел наглядеться,
как твердела, дыша, полыхала послушная кровь,
чтобы каплю счастья войти во всемирное Сердце,
ожидая тебя, бросив в землю земную любовь.

Одиноче воды, по которой гулял Одиссей.
Хрипа трав, по которым прошел иноверец.
Эхо жизни взошло, эхо года упало, и веерок
родословной скамьи свил кормушку для солнечных змей.

Одичала любовь, спит поступок у стен бездорожья.
Чище шаг, и светлей шипили гласных на кальке болот.
Раскошелится дым, заневестится демон порожний...
Выхлоп Солнца -
слева на стекле, как даргинская пулья горит.

Virginia

Юре Кокоянцу

I

Немного облаков припаяно к земле
российской стыни. Прочие голубы,
розветриваясь, покидая срубы
и каменки, рознятся в глубине
иной отрадно-речевой системы.

Их дождь родит приблудные посевы,
опутанные роем свежих лиц...
Но есть венчальный и сохранный стих,
воспитанный руками ясной девы.
Он - свет и хлеб, словарь, клинок и стены.

II

Храпит сосед - цепной маурос,
клокочет ночь в саду.
И, если вычислить звезду
на родовом посту,
я контур сестрин обведу
мелким штрафным стрекоз.

Но пот, устойчивый как гимн,
и кипяток берез,
спирят, как прямой допрос,
и не поспорить с ним.

И

Просыпаются глаза.
Чья-то птица пролетела.
Если и спасает тело,
эта тонкая звезда,
для нее сме - не дело.

Пылкой пытке тополей
и томительной собаке
чем обязан? Гаснут маки
между прочерком жердей.
Гаснут и слезятся маки.

Для себя и для тебя
выясняю день вчерашний:
почва цвета муравья
и соломенная хандза.
Для меня и для тебя.

Пре

Бра. Осенью. Челюсти лета свело.
Гибкого холода светят конкретные знаки.
Воет осина и содрогает село...
Я это взял выяснением гримз бумаги.

Я посижу у ворот кеталажки Петра
рядом с тобой. Но очнусь у окна на Европу.
Выбора нет, и поскольку решает судьба,
мне оставется лишь малый рифмованный ропот.

Рявкнет подлодка подле умильной жены.
Нам ли не знать хромоту домотканья и скуку?
Стих остролиц и ложится на крае сумы.
Кроме нее, чем я в жизни предметной риску?

В ДЕКАБРЕ

I

Я — внук Тимофея и Осипа.
Милостью мамы и пристава
ныне живущий пристойно, но пристени
не отыскавший, ссылаясь на выступы
не алфавита, но крови и озимы.

Сожнет сподвижник. /Глубинное облако
очи хоронит./ Сказать ему нечего.
/Снег ошельмован картавостью вечера.
Тополь опасен./ По этому случаю
я разрезаю не книгу, а яблоко.

И говорю, что ушедший не просится,
не отзовется и с нами не сбросится
ни из грамулю. Спи же без просыпа.
Он покукует вполне, как и водится.

Так усмиряю себя. Беспросветная
явь охмуряет укорами панночки.
Лижется облако. Входит звездная,
просит на водочки. С водочки в саночки.

II

Заледенел твой адрес, пилигрим.
И пресноводная глупеет выуга
на подвиге художника-хирурга

/когда вуалью берстенной обкурки
он хлещет пол за потолком твоим/.

Вот, огляделись, не могу понять,
о чём же мне грохочет бормотуха?
Но рюмка Блока объяснила глухо,
и граждансне с абонементным слухом
уставились, без права одобрять.

А то какие-то Афины и Рязань.
Бесстыдство морга, горло мрачной лужи,
щекотка людоеда, слухи...то, что хуже...
Я пил свое. Вокруг серчала рвень,

как водится — масштабно и на "ты",
одной семьей стремясь напропадую...
"дай я тебя, любезный, поцелуй..."
Ты у меня в крови, не отнимай персты..."

И

Земля. Лопата. Вторник. Бунт синиц.
Снег Лансере. Крестьянский жуткий вечер...
Не выдам я тебя, мой подвенечный.
И на восходе самой тесной сечи,
в расцвете обнажающих зарниц,
я остужу чело твою речью.

Вышли. Затертое место Невы,
где убедит и никчемность попутчицы.
Пастбища марта светильником случая
облучены и как будто новы.

Здесь ли живет потребитель тепла,
брачного вечера кормчий и баловень?
Книгу клюет и пожмельной жалобой
дрянь вытирает с лица и стола.

Будущий — ваш, а теперешний — наш,
глада не видит, возможно и прочего...
Отче, какие ты дал мне подстрочки?
Отче, какие ты дашь?
